

Современность как «сейчас»: в защиту «простых» терминов

В статье рассматривается понятие «современность» как «сейчас», которое опирается на индивидуальные переживания, востребованность тех или иных культурных практик в данный момент. Представлена попытка уйти от соединения понятия современности с идеей прогресса и новизны. Оценка прогресса осложнена расхождением между идеей прогресса и собственно прогрессом. Прогресс выявляется преимущественно ретроспективно, многие изменения в обществе идут столь медленно, что остаются малозаметными для носителей культуры. Другие изменения могут быть заметными, однако они не всегда связаны с подлинной новизной. В качестве нового может восприниматься то, что прежде существовало в культуре, но было забыто или неизвестно некоторой части общества. При этом полученные результаты затруднительно использовать для прогнозирования будущего из-за отсутствия соответствующей методологии. Оценка тех или иных феноменов как новых, прогрессивных, современных во многом связана с теоретическими установками исследователя, носителя культуры. Предлагаемое определение современности как «сейчас» можно рассматривать как методологическую позицию, которая позволяет мягче оценивать и сопоставлять многовековые и лишь зарождающиеся феномены в культуре.

Ключевые слова: современность; прогресс; идея прогресса; новизна; индивидуальное переживание; востребованность.

Ранее мы обращались к проблеме современности [6] и вслед за такими исследователями, как Б. Г. Капустин, Т. В. Адорно, Г. Р. Яусс, А. В. Павлов, З. Бауман, Ю. Хабермас выделяли три основных подхода к ее определению: 1) текущий момент как «сейчасность»; 2) эпоха, для определения которой могут быть применены различные критерии; 3) индивидуальное переживание человеком современности.

В данной статье мы обратимся к рассмотрению методологической значимости определения современности в качестве «сейчас», текущего момента, которую Б. Г. Капустин определяет как «сейчасность» «со-присутствие в абстрактной единице “астрономического” времени» [3, с. 13]. Серьезные исследователи часто понимают подобное определение современности как примитивное и недостойное внимания. И все же в данной статье мы попытаемся наметить его методологическую значимость. Для этого сделаем несколько предварительных замечаний.

Обсуждение проблемы современности зачастую связано с представлением о прогрессе общества, которое проходит определенные стадии развития, каждая из которых стоит выше предыдущих. Размышления о современном/несовременном опираются на поиск направления дальнейшего развертывания истории человечества, улавливания его знаков в настоящем. В этой связи интерес представляет рассмотрение идеи прогресса. Для этого обратимся к работе Р. Нисбета «Прогресс. История идеи», где автор представляет бытование представлений о прогрессе в европейской культуре на протяжении столетий, начиная с эпохи Античности. В определенном смысле эта работа спорная, однако нас будут интересовать выделенные исследователем теоретические положения, на которых покоится вера в прогресс. Во-первых, это вера в значимость прошлого своей культуры, которое является источником опоры и вдохновения для ее дальнейшего развития. Во-вторых, убежденность в величии Запада, его ценностей, особенностей развития, традиций, достижений, которые превосходят всё, сделанное в иных частях света.

* Елена Александровна Фоминых, канд. филос. наук, доцент кафедры философии, культурологии и искусствоведения РГППУ (ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет») (г. Екатеринбург).

В-третьих, подчеркивание роли экономической и технической сфер деятельности общества, которые выступают в качестве фундамента всякого прогресса. В-четвертых, вера в разум и науку, которые обеспечивают новые достижения, ведущие человечество в лучшее будущее. В-пятых, мыслитель отмечает убежденность в ценности жизни на Земле, необходимости ее поддержания и сохранения. Здесь же Р. Нисбет отмечает тесную связь идеи прогресса с идеей добра, т. е. даже с учетом всех ужасов, к которым прогресс привел в XX в., вера в идею прогресса, в то, что дальнейшее развитие общества принесет человечеству новые блага, сохраняется [4, с. 475–476].

Изложенные выше представления разделяет большинство поборников идеи прогресса, наиболее спорным, пожалуй, является первое из пяти утверждений, оно требует особого внимания, и к его рассмотрению мы еще вернемся. А пока отметим следующее: история идеи всегда опирается на исследование теоретических текстов, созданных представителями интеллектуальной элиты своего времени. И адресованы эти тексты людям того же круга, достаточно подготовленным, чтобы их понять. Идея существует и развивается, вдохновляя некоторую часть общества на дискуссии и дальнейшие поиски. Что касается большинства людей, то для них эта же идея существует в упрощенной форме, собственно к ней можно отнести замечание Р. Нисбета о невероятной популярности слова «прогрессивный» в XX в., мы можем добавить, и в XXI в. «Всегда подразумевается, что все то, что наречено прогрессивным, находится в авангарде и удерживает позиции, к которым естественный ход прогресса со временем приведет других. Поклонение новому, зачастую бездумное, во всех сферах имеет в основе, осознанно или нет, философию прогресса, которая по самой своей природе объявляет новое и последнее наивысшим в восходящей временной прогрессии» [4, с. 467]. Отмеченное выше поклонение новому нередко характерно и для рассуждений о современности, приводя к отождествлению этих понятий: современное, прогрессивное, новое.

Здесь возникает необходимость обратиться к двум вопросам. Во-первых, как соотносится вера в прогресс с собственно прогрессом в обществе? Во-вторых, как определяется новизна?

Вера в прогресс связана не только с интеллектуальными построениями, но и с эмоциональным отношением к этим построениям. Здесь основой является анализ текстов научных и художественных, результаты социологических исследований. Как правило, мысль высказывается авторами текстов или респондентами в опросе напрямую, сознательно, достаточно аргументированно. Разумеется, вера может и не вполне сознаваться и артикулироваться, однако для истории идей характерна именно высокая степень намеренного высказывания мысли.

Иначе обстоит дело с исследованием собственно прогресса, который опирается не только на тексты, но и наличие тех или иных артефактов, поддающихся сравнению и классификации. Результаты прогресса зримы, ощутимы. Что касается исследований, то здесь стоит отметить наличие двух типов текстов: исторических и футурологических. Сначала скажем несколько слов о вторых. Эта почва представляется крайне зыбкой, что неоднократно отмечали различные мыслители. Рассуждая о способности социальных наук к прогнозированию, К. Поппер приходит к выводу, что эти возможности весьма ограничены: они являются широкими, но из-за высокой сложности социальных объектов не могут быть точны, нет методологии, которая бы позволяла учитывать множество существенных деталей [5]. В свою очередь Р. Нисбет указывает, что метод футурологов состоит в том, что «ухватывается какой-либо аспект настоящего, представляющегося доминирующим, а затем в проецировании его на будущее» [4, с. 463]. При этом ученый также отмечает, что подобного рода прогнозы не могут быть точны. В этом контексте понимание современного как нового, противостоящего прошлому, как указания

на то, что грядет, выглядит не вполне убедительным. Строго говоря, сказать, что было указанием на действительно серьезные изменения в культуре, а что лишь недолговечным веянием, можно лишь ретроспективно. В моменте настоящего этой возможности нет. Фантасты XX в. полагали, что в начале XXI в. люди будут летать на другие планеты, но этого не произошло, однако они не предполагали появления обыденных сегодня Интернета и сотовой связи.

Многие попытки выявить законы исторического процесса делались на основании изучения истории, однако последующие их проверки через построение прогнозов на будущее оцениваются как неудачные. Именно так многочисленные критики оценивают идеи К. Маркса и его последователей. Здесь же возникает и еще один вопрос, сформулированный М. Булгаковым: «Для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?» [1, с. 14]. Если ставить вопрос чуть менее радикально: можно ли считать, что те или иные изменения в обществе – это результат чьих-то осознанных решений и целенаправленных усилий? В каких-то случаях – да, но во многих – нет, тем более этого нельзя сказать обо всех последствиях принятых решений. Отметим вслед за Н. Элиасом, что развитие цивилизации не является результатом «рацио» и долгосрочного планирования, и в то же время оно не хаотично, у него есть структура, направленность, при этом оно выступает как результат взаимодействия между отдельными людьми, которые складываются в процессе дифференциации общества и опираются на ощущения приемлемости/неприемлемости тех или иных форм поведения [8, с. 237–238]. Движателями такой трансформации общества выступают отдельные индивиды или группы людей, однако со временем подобное восприятие тех или иных культурных практик распространяется на всех членов общества. Так, в концепции Н. Элиаса процесс развития имеет направленность, но не имеет субъекта, который эту направленность установил. Здесь вспоминается гегелевский «дух времени», однако данная идея им не приветствуется.

Теперь рассмотрим вопрос о соотношении веры в прогресс и собственно прогресса. Р. Нисбет сетует на упадок веры в прогресс, полагая, что именно она лежит в основании трансформации общества. Однако вера в прогресс может сохраняться и в периоды упадка культуры, таким временем исследователь считает позднюю Римскую империю и Темные века в начале Средневековья. Он характеризует конец XX в. как время упадка идеи прогресса, утрату доверия к науке, ученым, политическим институтам, обострения интереса к оккультизму, погружения в скуку, убежденности многих в отрицательном влиянии на общество экономического роста. Вместе с тем мы можем наблюдать продолжающееся развитие науки и техники, различных видов искусства, сферы услуг. Возникает вопрос: действительно ли произошел отказ от веры в прогресс, или это только разочарование небольшой группы интеллектуалов на фоне сохраняющейся веры широких слоев населения? И чем же являются происходящие на наших глазах изменения, отмеченные выше, упадком или все же прогрессом? Ответ на эти вопросы содержится в том, как тот или иной человек, исследователь оценивает подобные феномены. Так или иначе, вера в прогресс и собственно прогресс коррелируют между собой, однако не могут быть приравнены друг к другу. Более того, отличается методология их исследования, а также убеждения ученых, размышляющих на эти темы. Таким образом, ответ на вопрос о том, что считать прогрессом, а что нет, зачастую зависит от восприятия тех, кто дает подобные оценки.

Чтобы развить эту мысль, обратимся вновь к Н. Элиасу, который рассматривает, как осознается процесс цивилизации, как люди обосновывают необходимость изменять свое поведение. Ученый отмечает, что запрещение «еды руками» и иные требования, ставшие нормой в XX в., на ранних стадиях и до середины XVIII в. объяснялись не с точки зрения требований гигиены, а описывались в терминах «это некуртуазно», «человек благородный подобного не делает», это может быть неприятно другим [7, с. 182]. В повседневных практиках более глубокой осмысленности трансформаций поведения не было, они и не требовались с точки зрения носителей культуры того времени. Процесс цивилизации шел столь медленно, что не носил характера изменений радикальных, так он может быть оценен лишь ретроспективно, в контексте изменений, занявших полтысячелетия. Н. Элиас отмечает, что сегодняшние требования к поведению мы оцениваем как естественные именно благодаря длительности их развертывания.

Впрочем, существует немало примеров, когда изменения в обществе осознавались довольно отчетливо. И именно в связи с этим возникает вопрос о новизне. В качестве современного нередко маркируется нечто новое, необычное, то, что способно притянуть внимание. Однако здесь необходимо уточнять, для кого и до какой степени оно ново. Возникновение колеса или сотового телефона – явления уникальные, в момент своего возникновения эти предметы совершенно новы. Но вера в прогресс подталкивает искать новизну буквально во всем. Так, например, как новшество воспринималась кукла Барби, выпущенная в 1959 г. и вызвавшая у многих шок своим внешним видом – она выглядела как взрослая женщина, в то время как в этот период было принято выпускать кукол с внешностью маленьких детей. При этом исследователи истории игрушек приводят многочисленные примеры кукол со «взрослой» внешностью, существовавших до XX века [2]. Так, мы можем понимать новизну двояко: как зафиксированное исторически первое появление какого-то явления и как феномен того, что впервые попало в поле зрения представителей того или иного сообщества, но уже существовало ранее в иных культурных контекстах. То есть здесь присутствует различие, аналогичное несовпадению веры в прогресс с самим прогрессом.

Фиксация нового, впервые появившегося, до определенных пределов возможна. Однако необходимо учитывать и то, что оно ново лишь для определенной группы субъектов культуры. Кроме того, возникает вопрос с его оценкой: степенью новизны; возможности рассматривать данное явление как прогресс, поскольку здесь присутствует зависимость от позиции того, кто дает оценку.

Здесь мы подходим к пониманию современности как индивидуального переживания. Состояние культуры в каждый момент существует неотрывно от ее носителей, которые в силу разных обстоятельств включаются или оказываются включены в различные культурные практики, они же маркируют различные элементы предметной реальности как обладающие или не обладающие культурной ценностью. Этот момент отсылает нас к пониманию современности как особого переживания, как способа отношения к своему времени. При этом не всякое переживание отрефлектировано, артикулировано в той или иной форме, доступной для исследователя. Вместе с тем можно взглянуть на существующие в «сейчас» феномены культуры как просто востребованные теми, кто в ней живет, ее носителями, большим или меньшим количеством людей, с большей или меньшей степенью осознанности, или вовсе без нее.

При данном подходе ключевое значение имеет следующее обстоятельство: культура состоит из множества феноменов, обладающих разной временной протяженностью, она лишена одномоментности в своем функционировании. Представление о ней как о жестко фиксированной точке «сейчас», современности с указанием охватываемого периода, есть теоретические построения, которые тре-

буют оговаривания критериев для подобного отграничения. За пределами теоретических построений существует живая ткань культуры, которая состоит из явлений, существующих многие дни, десятилетия, столетия и продолжающих оставаться востребованными. Возникает вопрос о возможности зафиксировать момент, когда они вдруг перестают быть современными, особенно это проблематично в случаях культурных практик, существующих даже не сотни, а тысячи лет, в течение которых они неоднократно менялись, причем это происходило не всегда ощутимо и заметно для их носителей. Новое может ощущаться, но может и не ощущаться, восприниматься как уточнение прошлого.

Если спросить живущих сегодня буддистов, иудеев, христиан, мусульман, считают ли они свою религию чем-то отжившим, то любой верующий человек ответит: нет. Можно ли считать отжившими свое конструкции римского права, которые используются сегодня в гражданском праве многих государств? Юристы ответят – нет, ведь это достижения высокого уровня, востребованные сегодня. Если мы предположим, что стоечно-балочные конструкции утратили свою ценность, архитекторы с нами не согласятся, этот тип конструкций мы видим повсюду, хотя ему тысячи лет. Вместе с тем сегодня никто не предполагает решать судебные споры при помощи ордалий или демонстрировать всем простыню или рубашку новобрачной со следами дефлорации. Эти и многие иные культурные практики перестали быть востребованными, но когда-то они развивались, были общепринятыми, а потом сходили на нет под влиянием тех или иных обстоятельств.

Стоит отметить, что многие культурные явления состоят из целого ряда элементов, часть из которых сохраняется, в то время как другая меняется с большей или меньшей степенью очевидности для носителей данной культуры.

Современность как индивидуальное переживание строится на востребованности сейчас того, что только появляется, не похоже ни на что существовавшее ранее или, напротив, глубоко укоренено в прошлом и именно благодаря этой укорененности воспринимается как источник устойчивости, гарантированности в ситуации изменчивого «сейчас», основа для ответов на различные вызовы культурные, климатические и т. д. Возможна и ситуация осознанного стремления к возрождению давно отжившего, точнее, понимание того, что было утрачено нечто ценное, иными путями невозполнимое, тогда происходит не только реанимация прошлого, но и возникновение чего-то уникального нового на его основе. Так деятели итальянского Возрождения, обращаясь к античным образцам, создали новое искусство. Позднее стиль ампир возник как результат вдохновения мощью архитектуры Римской империи. Подобных примеров множество.

Если исходить из предположения, что современность – это не всегда прогресс, это может быть и востребованность той или иной практики здесь и сейчас, то современность будет представлять собой сложное сочетание культурных практик, сосуществующих в мире, в котором мы живем здесь и сейчас.

Обратимся к условию веры в прогресс, которое Р. Нисбет ставит на первое место, к ценности прошлого. Он утверждает: «Прошлое могло оставаться священной землей даже для тех умов, которые посвятили себя уничтожению существующих институтов и построению будущего золотого века» [4, с. 487]. Исследователь отмечает, что для конца XX в. характерна утрата понимания ценности прошлого, и рассматривает это как указание на потерю веры в прогресс. Он цитирует Дж. Х. Плама, который утверждает: «Старое прошлое умирает, его сила ослабевает, но так и должно быть. Более того, историк должен ускорять этот процесс, так как оно полно фанатизма, национального тщеславия и классового господства» [4, с. 487]. Такое отношение к прошлому неприемлемо для Р. Нисбета, который полагает, что цель обрядов, празднований юбилеев и прочие мероприятия, обращенные к прошлому, призваны сплотить общество. Он пишет: «Как еще

заставить детей любить свою страну, расу или национальность, а также религию, как не посредством непрерывного воссоздания прошлого, его великих свершений, его героев, лидеров и пророков?» [4, с. 485]. Полностью согласиться с позицией Р. Нисбета или Дж. Х. Плама трудно, поскольку эти авторы указывают на крайние позиции в отношении к прошлому, склонны давать ему однозначно негативную или позитивную оценку без уточнения вопроса о его неоднозначности. На наш взгляд, культурные практики сохраняются лишь в той степени, в какой они отвечают потребностям людей в настоящий момент. Невозможно удержать то, что не воспринимается как ценное обществом, подобный опыт есть у тех, кто застал поздний Советский Союз; но точно так же не удастся искоренить то, что является ценным для какой-то части социума, примером тому служат религиозные организации. Наряду с этим мир убеждений, культурной памяти или веры в прогресс остается также и пространством для манипуляций и спекуляций, а порой и просто предвзятого отношения. Собственно, и это относится к феноменам культуры, которые живут, пока отвечают чьему-то запросу в обществе.

Подведем итог вышесказанному. Соединение понятия современности с идеей прогресса сталкивается с проблемой расхождения между областью веры в прогресс и собственно прогрессом. Помимо того, оценка современного как прогрессивного и нового сталкивается со сложностями методологического характера: отсутствием надежных инструментов для прогнозирования будущего; преимущественно ретроспективной оценкой тенденций, которые определяют направленность трансформации общества; часто незаметностью медленно идущих изменений культурных практик; оценкой тех или иных феноменов как новых, прогрессивных, современных, во многом связанной с теоретическими установками исследователя.

Понимание современности как востребованности здесь и сейчас, вне зависимости от новизны той или иной культурной практики ее носителями, также может рассматриваться лишь как возможная методологическая позиция, которая позволяет несколько мягче оценивать и сопоставлять многовековые и лишь зарождающиеся феномены в культуре.

Литература

1. Булгаков М. Мастер и Маргарита. – М. : Эксмо, 2010. – 480 с.
2. Горалик Л. Полая женщина: Мир Барби изнутри и снаружи. – URL: <http://e-dejavu.ru/b-2/Barbie.html> (дата доступа: 15.05.2020).
3. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. – М. : РОССПЭН, 1998.
4. Нисбет Р. Прогресс: история идеи / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова. – М. : ИРИСЭН, 2007. – 557 с.
5. Поппер К. Нищета историцизма. – URL: <https://knigogid.ru/books/250525-nischeta-istoricizma/toread/page-7> (дата доступа: 14.05.2020).
6. Фоминых Е. А. К проблеме современности в контексте восприятия исторического времени // Вестник Гуманитарного университета. – 2019. – № 3 (26). – С. 74–80.
7. Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. – Т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2001. – 332 с.
8. Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. – Т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2001. – 382 с.

Elena Aleksandrovna Fominykh,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy,
Culturology and Art History of RSVPU
(Russian State Vocational Pedagogical University) (Yekaterinburg)

Contemporary Time as "Now": in Defense of "Simple" Notions

The article presents the notion of Contemporary time as “now” based on individual experiences of culture demanded by bearers of culture at a moment. An attempt to avoid the connection between such notions as Contemporary time, the idea of progress and novelty is presented. To review the progress is quite difficult because of a gap between the idea of progress and the progress itself. The progress is mostly identified retrospectively, many transformations of society come so slowly, that they rest invisible for a lot of people of the culture. Some other changes can be noticeable, but at the same time, they are not always truly new. Some phenomena could exist in the culture earlier, but later they could be lost and taken as new by other parts of society. The results of historical research can't be used for predicting the future as no relevant methodology exists. Taking some phenomena as new, progressive, contemporary depends on the theoretical position of a researcher, bearer of culture. The presented notion of Contemporary time as “now” can be taken as a methodological position. It can be used to smooth comparison and assess the value of phenomena with a long history and some others just starting their way in culture.

Keywords: Contemporary time/now; progress; the idea of progress; novelty; individual experience; being in demand.